
К.Е.
Это последняя

К. Е.
Это последняя

https://litres.ru/74715467
SelfPub; 2026

Аннотация

Ей девятнадцать. У нее есть талант, который слышно за версту.

И у нее есть проблема, о которой она молчит, пока не становится слишком поздно.

Кира учится на юриста, хотя мечтает петь. Днем она рисует на полях лекций, а вечером выступает в подвале с группой. Когда слова для новых песен не идут, она открывает бутылку пива. Сначала — «для вдохновения». Потом — чтобы не думать. Потом — чтобы просто дожить до утра.

Егор появляется в ее жизни внезапно: красивый, уверенный, с папкой для чертежей. Он просит ее стать моделью для его дипломного платья. Он не знает, что она пьет. Он не знает, что она влюблена в него уже два месяца. И он не знает, что очень скоро ему придется выбирать: остаться и смотреть, как она тонет, или уйти, чтобы спастись самому.

Внимание! Книга содержит сцены употребления алкоголя и описания зависимости. Автор не пропагандирует спиртные напитки.

Содержание

От автора 4
Глава 1. Сцена, дым и сто рублей на обед 5
Глава 2. Объект вдохновения 11
Глава 3. Случай в коридоре 16
Глава 4. Сообщение в 23:45 23
Глава 5. Суббота. Запись 31
Глава 6. Воскресный мандраж 36
Глава 7. Платье из мечты 42
Глава 8. Пять бутылок и голосовое 49
Глава 9. Прогулки у моря 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

К. Е.
Это последняя

От автора

Дорогой читатель,

История Киры — это вымысел. Но проблемы, с которыми она сталкивается, к сожалению, реальны для множества людей.

Автор ни в коем случае не пропагандирует и не призывает к употреблению алкоголя, наркотических средств или иных психоактивных веществ.

Алкоголь — это опасный продукт, который вызывает привыкание и наносит непоправимый вред физическому и психическому здоровью. Если вы или ваши близкие столкнулись с проблемой зависимости, пожалуйста, не оставайтесь с ней один на один. Обратитесь за профессиональной помощью.

Берегите себя и своих близких.

Глава 1. Сцена, дым и сто рублей на обед

Лекция по гражданскому праву начиналась в восемь сорок. Кира сидела на третьем ряду у окна, потому что отсюда можно было смотреть на тополя и не смотреть на доцента.

Доцент говорил про исковую давность. Слова выходили из него ровно, как из принтера: «срок», «требование», «восстановление», «уважительная причина». Кира рисовала на полях тетради девушку с гитарой. У девушки были длинные волосы, закрывающие лицо, и ботинки на толстой подошве. Настоящие ботинки она себе позволить не могла, а нарисовать — запросто.

Синие волосы Киры лежали на плече тремя прядями: две слева, одна справа. Она красила их сама, в ванной, над раковиной, и каждый раз промахивалась мимо затылка, но затылок никто не видел, кроме Милы, а Мила уже привыкла.

— Семёнова, — сказал доцент. — Исковая давность. Общий срок.

Кира подняла глаза.

— Три года, — сказала она.

— Правильно. Садитесь.

Она села. В тетради под гитарой осталась недописанная строчка: «и если я не позвоню, то это значит…». Дальше

рифма не шла. Рифма не шла с восьми утра.

До обеда было ещё две пары. Кира выжила. На перемене она стояла у автомата с кофе, пила растворимый капучино за пятьдесят рублей и смотрела в телефон. В группе «Хлорка» висело сообщение от Паши: «сегодня в шесть, подвал, не опаздывать, я взял новый малый».

Кира набрала: «буду».

Сто рублей, которые ей выдавали на обед, лежали во внутреннем кармане рюкзака, сложенные вчетверо. Она их не тратила с прошлого вторника. В столовой был суп за восемьдесят, но суп она не любила, а на второе всё равно не хватало, поэтому проще было не есть вовсе и дождаться вечера. Вечером в подвале обычно была пицца. Иногда — пиво. Если Денис получал перевод от отца, то и то и другое.

В коридоре мимо прошёл парень с папкой для чертежей. Кира не подняла головы. Она знала, как он ходит — быстро, чуть сутулясь, левой рукой придерживая папку, — и всё равно не подняла.

Подвал находился на улице Мира, в доме с облупленной лепниной. Раньше здесь была прачечная. Теперь — три комнаты, обшитые звукоизоляцией, которую Паша купил на распродаже. Звукоизоляция была тонкая и не держала полови-

ну. Соседи сверху жаловались дважды. Оба раза приходил участковый, оба раза пил чай с Милой.

Кира пришла в шесть двадцать. Не потому что опаздывала — она всегда приходила чуть позже, чтобы не сидеть в тишине одной.

В первой комнате пахло пылью и разогретой электроникой. Денис сидел за клавишами и что-то наигрывал одним пальцем. Паша стоял над малым барабаном с гаечным ключом в зубах. Мила лежала на диване животом вниз, в наушниках, и листала телефон.

— О, — сказала Мила, не поднимая головы. — Явилась.

— Пробки, — сказала Кира.

— Пробки у неё. Ты пила кофе у автомата, я тебя видела в сторис.

Кира сняла куртку и повесила её на гвоздь. Гвоздь торчал из стены с прошлой зимы, и куртка на нём всегда сползала.

— Что играем? — спросила она.

— Новую, — сказал Паша. — Ту, которую ты не дописала.

— Я дописала.

— Ты дописала два куплета и припев. Там ещё бридж нужен.

Кира села на пол, скрестив ноги. В подвале было холодно, но на полу лежал старый ковёр, и от него пахло пылью и чужой квартирой.

Денис сыграл вступление. Мила отложила телефон и взяла бас. Паша сел за установку, поправил тарелку и кивнул.

Кира запела.

Первый куплет вышел ровно. Второй тоже. На припеве она запнулась — не забыла слова, а просто почувствовала, что слова не её. Они были правильные, складные, но чужие, как кофта из секонд-хенда, которая сидит по фигуре, а всё равно не твоя.

— Стоп, — сказала она.

Паша опустил палочки.

— Опять?

— Бридж не идёт.

— Мы его вчера играли. Ты сказала, что идёт.

— Вчера шло. Сегодня нет.

Мила отложила бас и посмотрела на неё.

— Кир. Ты не спала?

— Спала.

— Сколько?

Кира промолчала.

— Понятно, — сказала Мила.

Она встала, прошла в соседнюю комнату и вернулась с бутылкой пива. Открыла о край стола, протянула Кире.

— Одна, — сказала она. — Для бриджа.

Кира взяла.

Пиво было холодное, с жестяным привкусом. Первый глоток всегда неприятный — она никогда не любила вкус, — но после второго глотка в голове становилось тише. Как будто кто-то убирал из комнаты лишние стулья.

Она сделала ещё глоток. Потом ещё.

— Давай ещё раз, — сказала она. — С бриджа.

Паша отсчитал четыре. Денис взял аккорд. Мила вступила на втором такте.

Кира закрыла глаза и запела. Слова пришли сами — не те, что были вчера, другие, лучше. Про то, как человек стоит на пороге и не решается постучать. Про то, что за дверью тоже, может быть, стоит кто-то и тоже не решается.

Допела. Открыла глаза.

Мила смотрела на неё.

— Вот, — сказала она. — А ты говорила, не идёт.

Кира допила пиво. Бутылка опустела быстро, и она поставила её на пол, рядом с ковром.

— Мне надо домой, — сказала она. — Завтра первая пара.

— Ты всегда уходишь первой, — сказал Денис.

— Кто-то же должен.

Она надела куртку. Мила проводила её до двери.

— Кир, — сказала она в спину. — Ты в порядке?

— Да, — сказала Кира. — А что?

— Ничего. Просто спросила.

Кира вышла на улицу. Было темно и ветрено. Она постояла на крыльце, засунув руки в карманы, и посмотрела на освещённое окно второго этажа, где соседка смотрела телевизор.

Сто рублей всё ещё лежали во внутреннем кармане рюкзака. Она их так и не потратила.

Дома она села за стол, достала тетрадь и записала новый бридж — тот, который пришёл в подвале. Потом ещё один куплет. Потом ещё.

В час ночи она отложила ручку и посмотрела на страницу. Строчек было много. Почти все — про человека, который стоит за дверью.

Она закрыла тетрадь. Включила чайник. Сходила в ванную и посмотрела на себя в зеркало: синие пряди, потускневшие к вечеру, круги под глазами, след от подушки на щеке.

— Нормально, — сказала она отражению.

Отражение ничего не ответило.

Чайник щёлкнул. Кира вернулась на кухню, заварила чай и села с кружкой у окна. За окном горел фонарь и шёл дождь. На завтрак у неё был один бутерброд с сыром и сто рублей в рюкзаке.

Завтра — снова гражданское право. Снова исковая давность. Снова три года.

Кира сделала глоток чая и подумала, что завтра после пар можно будет зайти в магазин. Пиво по скидке стоило девяносто восемь.

Глава 2. Объект вдохновения

Вторник начинался с окна.

Кира пришла за двадцать минут до звонка, села на подоконник между вторым и третьим этажом и открыла телефон. Аудитория дизайнеров была на третьем, окна выходили во двор. Отсюда, с подоконника, было видно, кто заходит в корпус и кто выходит.

Она не называла это слежкой. Она называла это расписанием.

Егор — фамилию она узнала в первую неделю, прочитав список группы на стенде у деканата, — учился на втором курсе. Пары начинались у него в девять сорок, заканчивались в пятнадцать десять. По вторникам у него была композиция, по четвергам — история дизайна, по пятницам — макетирование. В понедельник он обычно опаздывал на десять минут, а в среду приходил раньше всех и сидел в холле с блокнотом.

В это утро он пришёл в девять тридцать пять. В чёрной куртке, с папкой под мышкой. Волосы у него были тёмные, чуть длиннее, чем у остальных парней на потоке, и падали на лоб, и он отбрасывал их назад движением головы, без рук.

Кира смотрела, как он поднимается по лестнице. Она знала, что он не обернётся. Он никогда не оборачивался.

Звонок прозвенел в девять сорок. Кира спрыгнула с под-

оконника и пошла на свою пару — административное право, аудитория 204, третий ряд, место у окна.

Она заметила его ещё в сентябре, на посвящении. Он стоял у сцены с бокалом дешёвого сидра и разговаривал с кем-то из своих. Кира тогда пела на сцене с группой — три песни, последняя была про город, в котором никто не спит, — и после выступления спустилась в зал, и он оказался прямо перед ней. Не посмотрел. Просто стоял, и всё.

С тех пор прошло два месяца. За два месяца Кира выучила его расписание лучше своего. Знала, что он пьёт кофе из автомата на втором этаже, чёрный, без сахара. Что у него на левом запястье тонкий шрам, похожий на след от кошачьей лапы. Что он рисует не в альбоме, а в блокноте на пружине, и держит карандаш не так, как все: не между указательным и большим, а чуть выше, тремя пальцами, и от этого линия у него выходит мягкая, без нажима.

Об этом последнем она знала потому, что однажды видела, как он рисовал в холле. Она стояла в пяти метрах, у автомата с кофе, и делала вид, что выбирает между капучино и латте. Он рисовал девушку в длинном платье, стоящую у окна. Девушка была не она. Девушка была вообще не похожа на неё: светлые волосы, гладкие, аккуратные плечи.

Кира тогда купила латте, хотя хотела капучино, и ушла на свою пару, не досмотрев.

На административном праве доцентша рассказывала про государственную службу. Кира рисовала на полях тетради карандаш. Не человека, не гитару — просто карандаш, лежащий на столе, с тенью и объёмом. Получалось плохо. Она не умела рисовать предметы, только людей, и то криво.

После пары была перемена. Кира вышла в коридор и пошла к автомату с кофе. Он стоял там.

Он стоял там с кем-то из своих, что-то говорил, смеялся. Кира остановилась в трёх шагах. Сердце у неё стучало где-то в горле, и это было глупо, потому что она просто стояла в коридоре, как все.

— Кира? — сказала Лена из её группы. — Ты в столовую?

— Нет, — сказала Кира. — Я кофе.

— Опять кофе. Ты так язву заработаешь.

Лена ушла. Кира подошла к автомату, нажала кнопку. Кофе зашумел, зашипел и полился в стаканчик.

Он не обернулся.

Она забрала стаканчик и пошла обратно, мимо него, близко, почти касаясь плечом. Он не заметил. Он рассказывал про какую-то выставку, куда его не взяли, потому что не хватило мест.

Кира вернулась в аудиторию, села на своё место и поставила стаканчик на парту. Кофе остывал. Она смотрела в окно и думала о том, что если бы она была светловолосой де-

вушкой с гладкими плечами, он бы, наверное, обернулся.

Дома она открыла ноутбук и села писать.

Обычно слова приходили легко, если был ритм. Она включала метроном на телефоне, ставила на восемьдесят ударов в минуту, и слова выстраивались под него, как вагоны под локомотив. Но сегодня метроном стучал, а вагоны не цеплялись.

Кира написала первую строчку. Зачеркнула. Написала вторую. Зачеркнула. Открыла холодильник, достала пиво — последнее, которое оставалось с пятницы, — открыла о край стола и села обратно.

Сделала глоток.

Строчка пришла сама: «ты держишь карандаш не так, как все».

Кира уставилась на неё. Потом написала вторую: «и я запомнила это, хотя ты не смотрел».

Третья пришла сразу за второй: «я знаю твоё расписание наизусть, а ты не знаешь моего имени».

Она допила пиво и написала ещё восемь строчек. Про шрам на запястье. Про чёрный кофе. Про то, как он отбрасывает волосы движением головы.

В час ночи она отложила ноутбук и прочитала всё, что написала.

Это была не песня. Это было признание, которое никто никогда не услышит.

Кира сохранила файл, назвала его «объект» и закрыла но-

утбук. В комнате пахло пивом и пылью. За окном горел фонарь и шёл дождь, тот же, что и вчера, или, может быть, другой, но такой же.

Она легла на кровать, не раздеваясь, и посмотрела в потолок.

Завтра среда. В среду он приходит раньше всех и сидит в холле с блокнотом. Значит, завтра она придёт в восемь тридцать и тоже сядет в холле. С блокнотом. Не для того, чтобы он заметил. Просто так.

Кира закрыла глаза.

«Он никогда не посмотрит на такую, как я», — подумала она, и эта мысль была не горькой, а привычной, как старые джинсы, которые жмут, но которые всё равно носишь, потому что других нет.

Она уснула в половине второго. В четыре проснулась от того, что в голове зазвучала мелодия. Встала, записала её на диктофон, чтобы не забыть, и снова легла.

Утром она проснулась с мыслью, что завтра — четверг, а значит, у него история дизайна, а значит, он будет в третьем корпусе, а значит, можно случайно пройти мимо.

Можно случайно пройти мимо.

Кира встала, умылась и пошла на пары.

Глава 3. Случай в коридоре

Зачёт по теории государства и права назначили на пятницу. Кира узнала об этом в среду утром, когда Лена поймала её в коридоре у расписания.

— Ты видела? — Лена ткнула пальцем в лист. — Пятница, третья пара. Автоматом не поставят, я спрашивала.

— Поставят, — сказала Кира. — Если хорошо ответить.

— Ты хорошо ответишь. Ты всегда хорошо отвечаешь.

Лена была из тех, кто волнуется заранее. Она уже достала конспекты, разложила их по темам и обвязала резинкой. Кира свои конспекты не открывала с прошлой недели.

— Мне надо повторить функции государства, — сказала Лена. — Ты помнишь функции?

— Внешние и внутренние.

— А подробнее?

— Лен, до пятницы ещё два дня.

Они стояли у окна на втором этаже. Мимо шли люди — кто в аудиторию, кто из аудитории, кто просто так. Кира смотрела на улицу, на тополя, на парковку, где чья-то машина стояла неправильно, залезла на бордюр.

— Я боюсь, что забуду всё, — сказала Лена. — Вот выучу, а потом раз, и пусто.

— Не забудешь.

— Откуда ты знаешь?

Кира не знала. Она вообще не думала про зачёт.

— Пойдём на пару, — сказала она. — Опоздаем.

Они не успели дойти до аудитории. В коридоре, у поворота к лестнице, кто-то окликнул Лену — кажется, её соседка по общежитию, — и Лена остановилась. Кира остановилась тоже, прислонилась к стене и достала телефон.

Он появился из-за угла.

Кира узнала его раньше, чем подняла голову. По шагам. По тому, как он шёл — быстро, чуть сутулясь, левой рукой придерживая папку.

Он шёл прямо к ней.

Она убрала телефон. Не потому что решила — просто руки сами.

— Привет, — сказал он. — Ты ведь Кира?

Она посмотрела на него. Вблизи у него были серо-зелёные глаза и родинка над правой бровью, которую она раньше не замечала.

— Да, — сказала она. — Кира.

— Я Егор. С дизайна, второй курс.

— Я знаю.

Она сказала это раньше, чем успела подумать. И сразу поняла, что это прозвучало странно.

— Знаешь? — он улыбнулся.

— Ну. Видела тебя. В холле. С блокнотом.

— А, — сказал он. — Ну да. Я там часто сижу.

Он помолчал. Кира тоже молчала. Лена за её спиной про-

должала болтать с соседкой и ничего не замечала.

— Слушай, — сказал Егор. — Я к тебе вообще по делу. У нас скоро показ, курсовая работа, мне нужна модель. Платье почти готово, но его надо на ком-то показать, снять, чтобы защитить. И я тебя видел несколько раз. У тебя внешность необычная. В хорошем смысле. Волосы, глаза. Я подумал, что ты подойдёшь.

Кира смотрела на него и не понимала, что происходит.

— Модель, — сказала она.

— Ну да. Просто постоять, походить. Я тебе всё покажу. Это не сложно, правда.

— Спасибо, — сказала она. — Я Кира. Буду рада помочь вам в вашем творческом деле.

Она услышала свой голос со стороны и ужаснулась. *Буду рада помочь вам в вашем творческом деле.* Как на собрании. Как в официальном письме.

Он засмеялся. Не обидно, а как будто она сказала что-то забавное.

— «Вам» — это слишком официально. Давай на «ты».

— Давай, — сказала Кира.

— Отлично. Дай телефон, я тебе напишу. Там про примерку надо договориться.

Она продиктовала номер. Он записал, нажал вызов, и у неё в кармане завибрировало.

— Всё, — сказал он. — Напишу вечером.

— Хорошо.

— Пока.

— Пока.

Он ушёл. Кира стояла и смотрела ему в спину, пока он не свернул за угол.

— Кир? — Лена дёрнула её за рукав. — Ты чего? Ты как будто привидение увидела.

— Ничего, — сказала Кира. — Пойдём.

— Это кто был?

— Егор. С дизайна. Ему нужна модель.

— Модель? — Лена округлила глаза. — Ты? Ты же никогда не…

— Вот именно.

Кира шла по коридору и чувствовала, как у неё горят щёки. В кармане лежал телефон, и в нём был его номер. Настоящий. Не выдуманный, не подсмотренный на стенде. Настоящий.

На паре она не записала ни слова. Доцентша рассказывала про формы правления, а Кира смотрела в окно и повторяла про себя: «Я Кира. Буду рада помочь вам в вашем творческом деле».

Она была идиоткой. Полной идиоткой.

Вечером он написал.

«Привет, Кира. Это Егор. По поводу примерки: тебе удобно подойти в понедельник в 15:10 в аудиторию 1213?»

Она прочитала сообщение три раза. Потом четыре. Потом открыла настройки, поменяла обои, вернула старые и снова прочитала.

Потом ответила:

«Привет. Да, удобно. Как раз пары в 15 заканчиваются».

Отправила. Отложила телефон. Взяла его снова через минуту. Он ещё не прочитал. Прочитал через две.

«Отлично. Спасибо, что согласилась. И ещё, я не написал: у тебя очень необычный вкус в одежде. Мне нравится. Правда».

Кира уставилась в экран.

Она посмотрела на себя в тёмное окно. На ней была старая растянутая футболка с логотипом группы, которую она сама и нарисовала, и спортивные штаны с дыркой на колене. Вкус в одежде. Ну да.

Она прижала телефон к груди и уставилась в потолок.

Потом села за стол, достала ноутбук и открыла файл «объект». Там было восемь строчек, написанных вчера. Она стёрла их все и начала заново.

Слова шли легко. Не про карандаш, не про шрам. Про то, что он подошёл. Про то, что он назвал её имя. Про то, что он написал «мне нравится».

Она остановилась на середине второго куплета и поняла, что не ответила на сообщение.

Открыла телефон.

«Спасибо, мне очень приятно».

Отправила. Потом, через минуту, добавила:

«По поводу примерки — да, мне удобно. Как раз пары в 15 заканчиваются».

Он ответил сразу:

«А ты на кого учишься?»

«На юриста».

«Ого. Интересно, наверное».

«Не сказала бы. Но не самое худшее».

«Аххаха, так любую специальность описать можно».

«Не думаю, что твоя под эту характеристику подходит».

«Ещё как подходит. Куча скучной теории для общего развития, а хотелось бы больше практики».

«Я думала, у вас всё на практике и строится».

«Ничего подобного».

Кира посмотрела на часы. Был час ночи. Завтра пары с восьми.

«Ладно, я пошла спать, завтра пары с 8».

«В субботу, так ещё и с 8… Сил тебе, доброй ночи».

«Спасибо. Доброй ночи».

Она положила телефон на стол и выключила ноутбук.

В понедельник в пятнадцать десять. В понедельник.

Кира легла на кровать и закрыла глаза. Сердце стучало где-то в горле, и это было глупо, но она ничего не могла с собой сделать.

Он написал «мне нравится». Он написал «доброй ночи».

Она уснула в половине второго и проспала будильник на

десять минут, но на пару успела.

Глава 4. Сообщение в 23:45

В пятницу Кира весь день ждала вечера.

Не потому, что вечером должно было что-то случиться. Ничего не должно было случиться. Егор писал днём, коротко и по делу: спрашивал, какого она роста, какой размер носит, боится ли ярких тканей. Кира отвечала так же коротко, стараясь не писать слишком быстро. Выдерживала десять минут. Иногда пять. Один раз ответила через секунду и потом полчаса злилась на себя.

В шесть она закрыла ноутбук с конспектами. Зачёт был завтра, точнее — в понедельник, но Лена уже третий день присылала ей голосовые про функции государства, и Кира слушала их вполуха, глядя в окно.

В холодильнике стояла бутылка шампанского. Дешёвого, полусухого, с этикеткой, на которой золотые буквы обещали «праздничное настроение». Кира купила её ещё в среду, после коридора. Тогда не знала зачем. Теперь знала: в двадцать три сорок пять она собиралась написать ему первой.

Мысль пришла утром и весь день не уходила.

В двадцать три она приняла душ, надела самую нормальную футболку — не растянутую, без дырок — и села на кухне. Открыла шампанское. Пробка выстрелила в потолок, пена поползла через край, и Кира успела подставить кружку. Пила она из кружки: бокалов в доме не было.

Первый глоток был кислым. Второй — уже нет.

В двадцать три сорок она открыла переписку. Последнее сообщение было его:

«Кстати, платье будет розово-голубое. Не испугайся».

Кира набрала:

«Я не пугливая».

Стёрла. Набрала:

«А если испугаюсь?»

Стёрла и это. Слишком похоже на флирт. Она вообще не умела флиртовать. В школе один раз написала мальчику «ты милый», и он переслал это друзьям, а потом ещё неделю кричал ей через весь двор: «Кира, ты чего, влюбилась?»

Она сделала глоток. Пузырьки щекотнули нос.

В двадцать три сорок пять она написала:

«Розово-голубое — это как?»

Отправила. Положила телефон экраном вниз.

Через минуту он ответил:

«Ну вот такое. Светлое, но не приторное. Тебе пойдёт».

Кира перечитала «тебе пойдёт» раза четыре.

«Откуда ты знаешь, что мне пойдёт?»

«Потому что я его придумал».

Она улыбнулась в пустую кухню. Потом поняла, что улыбается, и сделала ещё глоток.

«Уверенно заявляешь».

«Я дизайнер. Мне положено».

«А юристам что положено?»

«Знать законы».

«Скучно».

«Очень».

Он ответил не сразу. Кира успела допить полкружки, посмотреть в окно, где во дворе под фонарём кто-то курил, и подумать, что сейчас он напишет «ладно, спать», и вечер закончится.

Вместо этого пришло:

«А ты всегда такая?»

«Какая?»

«Сначала отвечаешь через минуту, потом пропадаешь на десять, а потом выдаёшь что-то смешное».

Кира уставилась в экран.

«Я не пропадаю. Я думаю».

«Над чем?»

«Над ответами».

«Серьёзно?»

«Серьёзно».

«И что ты сейчас думаешь?»

Вопрос был простой. И опасный.

Кира посмотрела на кружку. Шампанского оставалось меньше половины. Пузырьки уже почти не поднимались — выдохлось, как и всё, что стоит открытым слишком долго.

Она набрала:

«Что ты странный».

Стёрла.

«Что ты слишком уверенный».

Стёрла.

«Что мне нравится с тобой переписываться».

Стёрла и это.

В итоге отправила:

«Что ты задаёшь слишком много вопросов».

Ответ пришёл через несколько секунд:

«А ты слишком долго на них думаешь».

Кира засмеялась. Вслух, одна, на кухне. Звук получился неожиданным, и она замолчала, будто кто-то мог услышать.

«Может, я просто вежливая».

«Может. А может, тебе тоже интересно».

Она сделала глоток. Прямо из кружки, большими глотками, потому что маленькими уже не получалось — руки слегка дрожали, и шампанское плескалось через край.

«Мне интересно», — написала она.

И сразу пожалела.

Телефон лежал на столе. Экран погас. Кира смотрела на своё отражение в тёмном стекле: синие волосы, круги под глазами, футболка, которая была слишком большой.

«Вот и хорошо», — пришло от него.

Потом:

«Мне тоже».

Кира поставила кружку. Встала, прошла по кухне до окна и обратно. Села. Взяла телефон.

«Ты почему не спишь? Завтра же суббота».

«Потому что я доделываю платье».

«Прямо сейчас?»

«Прямо сейчас. Оно почти готово. Осталось пришить бретели и посмотреть, как оно сидит».

«Ты пришиваешь бретели в полночь?»

«А ты пьёшь шампанское в полночь».

Кира замерла.

«Откуда ты знаешь?»

«Ты написала “шампанское” в сообщении».

Она перечитала свою переписку. Слова «шампанское» там не было. Она его не писала.

«Я не писала».

«Не писала. Но я догадался».

«Почему?»

«Потому что ты отвечаешь чуть медленнее, чем обычно. И потому что в двадцать три сорок пять нормальные люди либо спят, либо делают что-то, о чём потом не рассказывают».

Кира посмотрела на кружку. Потом на телефон.

«Ты меня не знаешь».

«Пока нет».

Это «пока» она перечитала много раз.

«Ладно, — написала она. — Ты угадал. Я пью шампанское. Одно. Дешёвое. Из кружки».

«Из кружки — это детали. Мне нравится».

«Ты странный».

«Ты уже это говорила».

«И повторю».

«Не повторяй. Скажи что-нибудь новое».

Кира сделала глоток. В голове стало теплее и чуть смелее.

«Ты мне нравишься».

Она не отправила. Палец завис над кнопкой.

Стёрла.

Написала:

«Ты мне нравишься как собеседник».

Отправила. Сердце стукнуло где-то в горле.

Он ответил:

«Как собеседник — это уже что-то».

«А что ты хотел услышать?»

«Не знаю. Что-нибудь честное».

Кира посмотрела в кружку. На дне оставалось немного шампанского, мутного и тёплого.

«Я боюсь», — написала она.

«Чего?»

«Что ты передумаешь. Насчёт модели».

Он ответил не сразу. Целую минуту. Кира успела представить, как он читает, хмурится, решает, что она странная, и закрывает переписку.

«Кира. Я попросил тебя быть моделью, потому что ты подойдёшь. Я не передумаю».

Она прочитала это трижды.

«Обещаешь?»

«Обещаю».

Она поставила телефон экраном вверх и допила шампанское. Последний глоток был уже не кислым и не приятным — просто тёплым.

В двадцать четыре ноль пять он написал:

«Ложись спать. Завтра у тебя зачёт».

«У тебя тоже».

«У меня нет. У меня платье».

«Везёт тебе».

«Тебе тоже. Тебе завтра не надо пришивать бретели».

Кира улыбнулась.

«Доброй ночи, Егор».

«Доброй ночи, Кира».

Она положила телефон на стол и посмотрела на пустую кружку.

Мечта стала реальностью — и от этого стало страшно. Пока он был просто парнем из коридора, с блокнотом и чёрным кофе, всё было безопасно. Можно было писать песни, которые никто не услышит. Можно было знать его расписание и делать вид, что это ничего не значит.

Теперь он обещал не передумать.

А обещания — это то, что потом приходится проверять.

Кира помыла кружку, выключила свет на кухне и легла. Долго лежала без сна, слушая, как за окном проезжают машины. Потом достала телефон, открыла диктофон и тихо, почти шёпотом, напела мелодию, которая всё вечер крути-

лась в голове.

В полпервого она уснула.

Утром она нашла запись и не узнала свою интонацию. Голос был мягкий, без привычной резкости. Будто пела не она, а кто-то, кто ещё не успел испугаться.

Кира сохранила файл. Назвала его «23:45».

Глава 5. Суббота. Запись

В субботу после пар Кира поехала в подвал.

День начался с восьми утра и тянулся, как жвачка. На первой паре обсуждали судебную практику, на второй — писали контрольную. Кира сдала лист раньше всех, потому что не могла больше смотреть на вопросы, в которых не было ничего про то, что её волновало. Про то, что в понедельник она увидит его. Про то, что он написал «мне нравится».

Она вышла из корпуса в половине второго, села в автобус и доехала до улицы Мира. В подвале пахло так же, как всегда: пылью, разогретой электроникой и чуть-чуть пиццей, которую Паша заказал ещё до её прихода.

— О, — сказала Мила, не отрываясь от телефона. — Живая.

— Живая, — сказала Кира, снимая куртку.

— Мы думали, ты не придёшь. Ты в последнее время какая-то… — Мила поискала слово. — Отсутствующая.

Кира повесила куртку на гвоздь. Она не стала спрашивать, что это значит. Она и так знала.

Денис сидел за клавишами и что-то наигрывал. Паша разбирал коробку с пиццей. В комнате было тепло, даже душно.

— Садись, — сказал Паша. — Пока горячее.

Кира села на пол, скрестив ноги. Взяла кусок. Пицца была с грибами и сыром, и от неё шёл пар.

— Что писать будем? — спросила Мила.

— У меня есть новая, — сказала Кира.

Она достала телефон и открыла файл «объект». Там было уже две песни: та, что она написала во вторник, и та, что в среду, после сообщения. Она не показывала их никому.

— Вот, — сказала она. — Послушайте.

Она прочитала вслух. Не пела, просто читала, ровно, как стихи. Мила слушала молча. Денис перестал играть. Паша жевал и смотрел на неё.

Когда она закончила, в комнате стало тихо.

— Это про кого? — спросил Паша.

— Ни про кого, — сказала Кира. — Просто так.

— Ага, — сказала Мила. — Просто так. Строчка «ты держишь карандаш не так, как все» — это очень «просто так».

Кира промолчала.

— Ладно, — сказала Мила. — Мне нравится. Это лучше, чем то, что ты писала раньше. Честнее, что ли.

— Согласен, — сказал Денис. — Давай запишем.

Они записали. Сначала минусовку — Денис на клавишах, Мила на басу, Паша на барабанах. Кира стояла у микрофона и ждала, пока они настроятся. Руки у неё были холодные, и она спрятала их в карманы.

— Готова? — спросил Паша.

— Готова.

Она запела. Первый куплет вышел ровно. Второй тоже. На припеве она почувствовала, что голос садится — не от вол-

нения, просто устала. С восьми утра на ногах, контрольная, автобус, духота.

— Стоп, — сказала она.

Паша опустил палочки.

— Что?

— Перепеть надо. Хриплю.

Мила отложила бас и посмотрела на неё.

— Кир. Ты не хрипишь. Ты просто устала.

— Вот именно. Перепеть надо.

Паша вздохнул, но отсчитал четыре. Они сыграли ещё раз. Кира спела, и на этот раз вышло лучше, но всё равно не так, как ей хотелось. Она слышала, как голос где-то в середине второго куплета дрогнул, и эта дрожь была не творческой, а просто от усталости.

— Всё, — сказала она. — Хватит. Сведём, потом перепоём, если что.

Они сели на диван. Паша открыл коробку с пиццей, которая уже остыла. Денис достал из сумки бутылку пива — не для всех, просто себе, — и Кира посмотрела на эту бутылку.

— Дай мне тоже, — сказала она.

Денис протянул ей бутылку. Она открыла её о край стола и сделала глоток.

— Полегчало? — спросила Мила.

Кира не ответила.

Она сидела на диване, держала бутылку в руках и слушала, как ребята обсуждают следующий трек. Мила предлагала

что-то про город, Паша — про скорость, Денис молчал. Кира смотрела на бутылку и думала о понедельнике.

В понедельник она увидит его. Одна. В аудитории 1213.

— Ты меня слышишь? — Мила помахала рукой перед её лицом.

— Слышу.

— Что я сказала?

Кира помолчала.

— Что-то про город.

Мила вздохнула и откинулась на спинку дивана.

— Кир, ты в последнее время как будто не здесь. Ты приходишь, поёшь, уходишь. Раньше ты оставалась, мы болтали, ты рассказывала, что происходит. Сейчас ты просто… — она поискала слово. — Закрытая.

Кира сделала ещё глоток.

— Прости, — сказала она. — Просто много всего.

— Много чего?

Кира посмотрела на неё. Мила смотрела в ответ — прямо, без обиды, просто ждала.

— Много всего, — повторила Кира.

Мила не стала давить. Она взяла с пола гитару и начала что-то наигрывать, тихо, себе под нос. Паша вернулся за установку, проверил малый барабан, который купил вчера. Денис открыл ноутбук и начал что-то сводить.

Кира допила пиво и поставила бутылку на пол.

В голове стало тише. Не так тихо, как хотелось бы, но ти-

ше.

Она закрыла глаза и подумала о понедельнике. О том, как войдёт в аудиторию 1213 и он будет там. О том, что скажет. О том, как будет стоять перед ним в платье, которое он сделал.

Она открыла глаза и поняла, что улыбается.

Домой она вернулась в девять вечера. Денис скинул ей черновой сведённый трек, и она слушала его в автобусе, в наушниках, глядя в тёмное окно. Голос звучал чужой, как всегда бывает, когда слушаешь себя в записи.

Дома она села за стол и открыла файл «объект». Там было две песни. Она начала третью.

Написала первую строчку, потом вторую. Про то, как человек стоит в аудитории и не знает, куда деть руки. Про то, что она стоит перед ним и не знает, куда деть глаза.

Дописала куплет и остановилась. За окном горел фонарь, шёл дождь. На кухне в холодильнике оставалось ещё две бутылки пива.

Кира не пошла на кухню. Она закрыла ноутбук, умылась и легла спать.

В понедельник она увидит его. Одна. В аудитории 1213.

Она уснула в двенадцать. Впервые за неделю — без пива.

Глава 6. Воскресный мандраж

В воскресенье Кира проснулась в десять от того, что собака соседей сверху начала лаять.

Она полежала, глядя в потолок. Сначала не вспомнила, какой сегодня день. Потом вспомнила — и живот сжался, будто кто-то стянул его ремнём.

Завтра. В пятнадцать десять. Аудитория 1213.

Она встала, умылась и открыла холодильник. Там стояло три бутылки пива — Денис вчера сунул ей две, сказав: «На бридж». Кира взяла одну, посмотрела на этикетку и поставила обратно.

Ещё рано.

Она заварила чай, села за стол и открыла ноутбук. В файле «23:45» лежала запись с пятницы. Кира включила её и услышала свой голос — тихий, мягкий, почти незнакомый. Песни как таковой ещё не было: только мелодия, четыре строчки и обрывок припева.

Она дописала куплет. Потом второй. Слова шли тяжело, будто она тащила их через воду.

«Ты сказал, что не передумаешь,

а я всё жду, когда передумаешь ты…»

Кира прочитала и поморщилась. Слишком в лоб. Слишком похоже на то, что она думала каждую минуту.

Она стёрла вторую строчку. Написала другую. Стёрла и её.

В половине двенадцатого телефон завибрировал.

Егор: «Доброе утро. Как зачёт? Ты же вчера сдавала?»

Кира уставилась в экран.

Он помнил.

«Сдала. Автомат», — написала она.

Это было неправдой. Зачёт был в понедельник, а она вчера в подвале записывала песню. Но признаться, что он перепутал дни, не хотелось. Пусть думает, что она умная и всё сдала заранее.

«Молодец. Я в тебя верил».

Кира перечитала «я в тебя верил». Пальцы стали холодными.

«Ты меня совсем не знаешь, чтобы верить».

«Зато уже знаю, что ты сдаёшь зачёты автоматом и пьёшь шампанское из кружки. Этого достаточно».

Она улыбнулась. Потом вспомнила про шампанское и почувствовала себя глупо.

«Это была исключительная ситуация».

«Конечно. Как и бретели в полночь».

«Ты тоже не спал».

«Я работал».

«А я писала».

«Вот видишь. Мы оба странные».

Кира отложила телефон. Сердце стучало ровно, но где-то высоко, под рёбрами. Она подошла к холодильнику, достала

пиво и открыла его о край стола.

Первый глоток был холодным. Второй — уже нет.

Она села обратно за ноутбук. В голове стало тише, и строчка пришла сама:

«Я не умею ждать понедельника,

поэтому пью воскресенье».

Кира посмотрела на неё. Строчка была хорошая. Слишком хорошая. Она записала её и подумала, что Мила сказала бы: «Ты опять про алкоголь». А Егор, если бы увидел, наверное, спросил бы: «Зачем?»

Она не знала, что ответить.

В час дня она встала под душ и долго стояла под водой, пытаясь придумать, что наденет завтра. Платье будет его. А всё остальное — её. Куртку она решила взять обычную, чёрную, без нашивок. Волосы — помыть и не красить, пусть будут синими, как есть. Тапочки наденет нормальные, не шлёпанцы.

Она вышла из ванной, посмотрела на себя в зеркало и сказала:

— Нормально.

Отражение выглядело так себе.

В три она открыла шкаф. Вся одежда была либо растянутой, либо старой, либо с дырками. Кира достала чёрные джинсы, футболку с группой, клетчатую рубашку. Померила. Сняла. Надела обратно.

«Тебе пойдёт», — написал он вчера.

Про платье. Но Кира поймала себя на том, что примеряет не платье, а себя. Такую, какой она могла бы быть завтра.

В пять она допила первую бутылку. В голове стало теплее. Она открыла вторую и села писать.

На этот раз слова пошли легко.

Про то, как человек красит волосы в синий, чтобы быть заметным. А потом боится, что заметят. Про то, как он говорит «я в тебя верил», а она хочет ответить «не надо», потому что вера — это ответственность, а она не умеет быть responsible даже за собственный завтрак.

Кира написала восемь строчек и остановилась.

«Я не умею быть той, в кого верят», — подумала она.

И сразу поняла, что это будет припев.

В семь позвонила Мила.

— Кир, ты завтра точно идёшь?

— Иду.

— А ты не боишься?

— Боюсь.

— Это хорошо или плохо?

— Не знаю.

Мила помолчала. По ту сторону слышно было, как она что-то перебирает — наверное, струны.

— Кир, — сказала она. — Ты только не накануне напивайся, ладно? Завтра же надо быть нормальной.

— Я и так нормальная.

— Ты понимаешь, о чём я.

Кира посмотрела на бутылку в руке. Там оставалось на два глотка.

— Понимаю.

— И ещё. Если он что-то не так скажет или посмотрит — ты просто уходишь. Ты не обязана.

— Он ничего такого не скажет.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю.

— Вот именно.

Они попрощались. Кира допила пиво и поставила бутылку на подоконник. За окном темнело. Во дворе горел фонарь, и под ним стоял мужчина с собакой — большой, лохматой, которая тянула поводок в сторону кустов.

Кира смотрела на них и думала, что вот так, наверное, выглядит нормальная жизнь. Человек, собака, вечер, ничего особенного.

Она села за стол и открыла файл «23:45».

«Я не умею быть той, в кого верят», — написала она.

Потом ещё строчку:

«Но я попробую хотя бы не исчезнуть».

Она перечитала. Строка была честная. Почти слишком честная.

Кира сохранила файл, закрыла ноутбук и пошла на кухню. В холодильнике оставалась одна бутылка. Она посмотрела на неё, взяла, подержала в руках и поставила обратно.

«Завтра», — подумала она. — «Если всё будет плохо — тогда».

Она умылась, почистила зубы и легла. Долго не могла уснуть. В голове крутилось: аудитория 1213, розово-голубое платье, его руки с карандашом, его голос: «Я в тебя верил».

В час ночи она всё-таки встала, достала из холодильника ту бутылку и выпила её стоя, у открытой дверцы, чтобы свет не включать.

Потом вернулась в кровать.

«Это не для храбрости, — сказала она себе. — Это чтобы уснуть».

Она уснула быстро. И во сне видела аудиторию 1213: там было светло, стоял манекен в розово-голубом платье, а Егор сидел за столом и рисовал её. Но на рисунке у неё были светлые волосы и гладкие плечи.

Кира проснулась за десять минут до будильника.

Глава 7. Платье из мечты

Аудитория 1213 оказалась не такой, как Кира представляла.

Она ждала либо мастерскую с мольбертами и запахом краски, либо пустой класс с досками и рядами стульев. Вместо этого была небольшая комната на третьем этаже: два стола, сдвинутых вместе, швейная машинка, стойка с тканями и большой лист ватмана на стене, где карандашом были набросаны силуэты платьев.

Егор открыл дверь раньше, чем она постучала.

— Ты нашла?

— Нашла.

— Проходи.

Он был в серой футболке с закатанными рукавами. На предплечье, там, где обычно был шрам, сейчас лежал след от грифеля — длинная серая полоса, будто он провёл рукой по рисунку и забыл про неё.

— Вот, — сказал он и кивнул на манекен.

Кира посмотрела.

Платье висело на манекене и не было похоже ни на что из того, что она видела раньше. Верх — плотный корсет, розовый, почти пудровый, с тонкими косточками. Юбка начиналась от талии и расходилась вниз мягкими складками, голубыми, как вода перед дождём. По подолу шли мелкие блёст-

ки, которые ловили свет от окна и рассыпались по полу.

Кира подошла ближе и коснулась юбки.

— Это вручную?

— Частично. Корсет шила сама, юбку заказывала. Но отделку — вот эти складки — тоже сама.

— Это очень красиво.

Она сказала это тихо, и Егор, кажется, не расслышал. Или сделал вид.

— Примеряй. Там за шторкой.

Шторка висела на верёвке, натянутой между двумя шкафами. За ней было тесно, пахло тканью и чем-то сладким — может, лаком для ногтей, который кто-то когда-то пролил.

Кира разделась до белья и взяла платье. Оно оказалось тяжелее, чем выглядело. Корсет держал форму сам, даже без тела внутри. Она просунула руки в бретели, натянула юбку и попыталась застегнуть спину.

Не получалось.

— Егор, — сказала она через шторку. — Там сзади… я не дотягиваюсь.

— Сейчас.

Он зашёл за шторку, не глядя, быстро застегнул крючки на спине и отступил.

— Готово. Выйди.

Кира вышла.

Егор стоял у стола с блокнотом в руках. Он поднял глаза — и замер.

Секунды две он просто смотрел. Потом моргнул, будто вспомнил, где находится.

— Ну? — сказала Кира. — Как?

— Встань сюда. К окну.

Она подошла. Свет из окна падал на юбку, и голубое стало почти прозрачным, а блёстки — яркими.

— Повернись.

Она повернулась. Медленно, чтобы не запутаться в подоле.

— Руки можно опустить. Не надо ничего изображать.

Кира опустила руки. Они висели вдоль тела, и она не знала, куда их деть.

— Так, — сказал Егор. — Уже лучше.

— Что лучше?

— Ты. В нём.

Он сказал это ровно, как про крой или посадку. Но у Киры всё равно перехватило дыхание.

Он подошёл ближе, присел на корточки и поправил подол — расправил складку у колена. Его пальцы на секунду коснулись её ноги через ткань, и Кира почувствовала, как по спине проходит холодок.

— Не двигайся, — сказал он. — Я зарисую.

Он сел за стол, открыл блокнот и начал рисовать. Кира стояла у окна и смотрела на него. Он рисовал быстро, уверенно, карандаш держал так, как она помнила: чуть выше, тремя пальцами. Линия выходила мягкая, без нажима.

— Ты всегда так рисуешь? — спросила она.

— Что — так?

— Быстро. Не стираешь.

— Иногда стираю. Просто не люблю, когда рисунок получается слишком чистым. В чистом нет жизни.

Кира подумала, что это похоже на её песни. Она тоже не любила, когда всё складно.

— А музыка? — спросил он, не отрываясь от бумаги. — Ты же поёшь. Я видел тебя на посвящении.

Кира напряглась.

— Видел?

— Ну да. Ты была на сцене. Три песни. Последняя про город.

— Ты помнишь?

— Помню.

Она молчала. В голове крутилось: он видел. Он был там, в зале, два месяца назад, и она пела, а он смотрел. Или не смотрел. Она не знала.

— Спой что-нибудь, — сказал он.

— Что?

— Сейчас. Просто так. Мне интересно, как ты звучишь без микрофона.

Кира покачала головой.

— Не хочу.

— Почему?

— Потому что я не могу просто так. Нужен ритм, нужна

музыка, нужно… — она запнулась. — Не знаю. Не могу.

Егор отложил карандаш.

— Ладно, — сказал он. — Не буду заставлять.

Он вернулся к рисунку. Кира стояла у окна и чувствовала себя глупо. Он попросил — она отказала. Он не обиделся, но всё равно было неприятно, будто она что-то сломала.

— У тебя пара? — спросила она, чтобы сказать что-нибудь.

— Через двадцать минут.

— Уже?

— Я на следующую. История дизайна.

— А ты всегда так — рисуешь до последней минуты?

— Иногда. Если увлекаюсь.

Он посмотрел на часы.

— Всё, мне пора. Ты можешь переодеться. Ключи оставь на столе, я потом заберу.

— Уже уходишь?

— Ага. Извини.

Он собрал блокнот, карандаши, папку. У двери обернулся.

— Кира.

— Что?

— Тебе правда идёт. Я не просто так сказал.

И вышел.

Кира осталась одна. В аудитории было тихо, только где-то в коридоре хлопнула дверь. Она подошла к зеркалу, которое

висело на стене рядом со шторкой, и посмотрела на себя.

В зеркале была девушка в розово-голубом платье. Синие волосы лежали на плече. Глаза были ярче, чем обычно. Кира повернулась боком, потом другим боком. Платье сидело так, будто его шили на неё.

Она подняла руку и коснулась корсета. Ткань была плотная, тёплая от её тела.

«Он сказал “тебе идёт”», — подумала она.

И тут же: «Он сказал это всем моделям».

Она переоделась, аккуратно повесила платье на манекен, закрыла дверь аудитории и пошла по коридору. На лестнице встретила Лену.

— Кир! Ты где была? Я тебя ищу.

— Помогала одному парню с проектом.

— С каким парнем?

— С Егором. С дизайна.

Лена остановилась.

— Это тот, который…

— Да.

— И как?

Кира подумала о корсете, о блёстках, о его пальцах на подоле, о том, как он сказал «тебе идёт».

— Нормально, — сказала она. — Пойдём.

Дома она открыла ноутбук и села писать. Слова шли сами:

«Он нарисовал меня у окна,

и я не узнала себя в линии…»

Кира написала куплет, потом припев. Потом ещё один куплет. В голове звучала мелодия — та, из пятницы, но теперь с другими словами.

Вечером он написал:

«Отправил эскиз на почту. Посмотри, когда будет время».

Кира открыла почту. Там был скан рисунка. Она увидела себя — не фотографию, не отражение, а линию, которая была мягче и увереннее, чем она сама. На рисунке она стояла у окна, и платье на ней было розово-голубым, и она улыбалась.

Кира смотрела на рисунок долго.

Потом открыла файл «23:45» и дописала песню.

Глава 8. Пять бутылок и голосовое

Кира вернулась домой в шесть.

В подъезде пахло жареным луком — кто-то на втором этаже готовил ужин. Она поднялась на свой этаж, открыла дверь и постояла в коридоре, не включая свет. В квартире было тихо. Слишком тихо после аудитории, где пахло тканью и звучал его голос.

Она включила лампу на кухне, открыла холодильник.

Пива было пять бутылок. Денис вчера привёз ещё три, сказал: «На следующую песню». Кира взяла одну, открыла о край стола и села за ноутбук.

На экране всё ещё был открыт эскиз.

Она смотрела на рисунок и пила. Первый глоток был холодным. Второй — уже нет. К третьему в голове стало тише, и она смогла думать не о том, как он поправлял подол, а о том, что нужно дописать песню.

Она открыла файл «23:45».

Там было два куплета и припев. Кира перечитала и поняла, что песня не заканчивается. Она останавливается на середине, как будто человек дошёл до двери и не решается постучать.

Она написала:

«Ты сказал, что я тебе нравлюсь,

и я не знаю, что с этим делать…»

Стёрла. Слишком прямо.

Написала:

«Ты сказал, что мне идёт это платье,

и я почти поверила…»

Оставила.

Кира сделала ещё глоток. В голове стало теплее. Она открыла диктофон и начала напевать — тихо, почти шёпотом, чтобы соседи не услышали. Мелодия шла легко, будто ждала её за дверью.

Она записала куплет. Потом припев. Потом ещё раз, чтобы не забыть.

На четвёртой бутылке она поняла, что хочет отправить ему голосовое.

Мысль пришла внезапно и сразу показалась правильной. Он просил спеть. Она отказала. А теперь может отправить — не вживую, не глядя ему в глаза, а так, из телефона. Пусть послушает, если захочет.

Кира открыла переписку. Набрала:

«Ты просил спеть».

Стёрла.

«Я передумала насчёт “не могу”».

Стёрла.

«Послушай».

Отправила. Потом нажала на скрепку, выбрала файл и за-

мерла.

Голосовое было сорок семь секунд. В нём она напевала второй куплет и припев. Голос звучал тихо, чуть хрипло, и в конце она сбилась и засмеялась — коротко, будто испугалась собственной смелости.

Кира посмотрела на кнопку отправки.

Палец завис над ней.

Она сделала глоток. Пятая бутылка стояла открытой на столе, и пена медленно оседала.

«Если отправлю — всё изменится», — подумала она.

И нажала.

Сообщение ушло. Кира отложила телефон экраном вниз и закрыла глаза.

Сердце стучало где-то в горле. Она сидела так, наверное, минуту. Потом две. Потом взяла телефон и посмотрела.

Прочитано.

Кира положила телефон обратно. Встала, прошла по кухне до окна и обратно. Села. Взяла телефон.

Он печатал.

Три точки появлялись и исчезали. Кира смотрела на них и чувствовала, как внутри всё сжимается.

Потом пришло сообщение.

«Кира».

Одно слово. Она уставилась в экран.

Потом ещё одно:

«Это ты?»

«Кто же ещё», — написала она.

«Нет, я серьёзно. Это правда ты поёшь?»

«Правда».

«Почему ты не спела в аудитории?»

Кира сделала глоток. Пятая бутылка была почти пустой.

«Потому что я не могу, когда смотрят».

«А так можешь?»

«Так — нет. Но я выпила».

Она отправила и сразу пожалела. Зачем она это написала? Теперь он подумает, что она пьёт постоянно. Что она ненормальная. Что…

Сообщение пришло через несколько секунд.

«Понял. Спасибо, что отправила. Мне очень понравилось».

Кира перечитала. Потом ещё раз.

«Правда?»

«Правда. У тебя голос не такой, как я думал».

«А какой я думал?»

«Не знаю. Наверное, громче. А ты поёшь тихо. Как будто не хочешь, чтобы кто-то услышал».

Кира замерла.

Он понял.

Она смотрела на экран и не знала, что написать. В горле встал ком. Она сделала ещё глоток — уже прямо из бутылки, потому что кружка была где-то на столе, а вставать не хотелось.

«Может, и не хочу», — написала она.

«Почему?»

«Потому что если услышат — придется отвечать».

Он ответил не сразу. Кира успела допить бутылку. В голове стало мутно, но тепло. Она положила телефон на стол и закрыла глаза.

Когда открыла, было новое сообщение.

«Кира. Я услышал. И мне не всё равно».

Она прочитала это трижды.

Потом ещё раз.

«Я не знаю, что ответить», — написала она.

«Не отвечай. Просто знай».

Кира положила телефон экраном вверх и посмотрела на пустую бутылку. В голове было мутно, но не страшно. Впервые за долгое время не страшно.

Она встала, пошла в ванную и посмотрела на себя в зеркало. Синие волосы растрепались, глаза были блестящие, щёки — красные.

«Он услышал», — сказала она отражению.

Отражение улыбнулось.

Кира вернулась на кухню, села за стол и открыла диктофон. Она хотела записать ещё что-нибудь — мелодию, которая крутилась в голове, слова, которые просились наружу. Но пальцы не попадали по кнопкам.

Она записала тридцать секунд того, как напевает без слов, и сохранила файл. Назвала его «он услышал».

Потом выключила ноутбук и пошла спать.

Утром она проснулась с головной болью и сухостью во рту. Первое, что сделала — взяла телефон.

Переписка была на месте. Всё, что она написала, и всё, что он ответил.

«Мне не всё равно».

Кира перечитала и почувствовала, как внутри становится тепло — не от пива, от чего-то другого.

Она встала, умылась, выпила воды. Голова болела, но не сильно. Она открыла ноутбук и послушала вчерашнюю запись.

Голос был хриплый, слова смазанные. Но в конце, когда она сбилась и засмеялась, в записи было что-то настоящее.

Кира сохранила файл. Не удалила.

Потом открыла переписку и написала:

«Доброе утро. Спасибо, что выслушал».

Он ответил через минуту:

«Доброе утро. Я бы послушал ещё».

Кира улыбнулась.

Потом посмотрела на пустые бутылки в мусорном ведре — пять штук, стеклянные, блестящие на свету — и подумала, что сегодня не будет пить.

Сегодня она просто будет ждать вечера.

Глава 9. Прогулки у моря

Вторая примерка была в четверг.

Кира пришла в аудиторию 1213 в пятнадцать десять — ровно, не раньше и не позже. Егор уже был там. Он стоял у стола и что-то подшивал на юбке, держа иголку в зубах.

— Ты вовремя, — сказал он, увидев её.

— Я всегда вовремя.

— В прошлый раз ты опоздала на пять минут.

— Я не опоздала. Я пришла через пять минут после назначенного.

— Это и называется «опоздала».

Кира сняла куртку. Егор кивнул на шторку.

— Платье там. Примеряй.

Она переоделась. Корсет застегнулся легче, чем в первый раз — или ей так показалось. Она вышла, и Егор посмотрел на неё уже без того ступора, но внимательно, по-рабочему: поправил бретель на плече, расправил складку у бедра, отступил на шаг.

— Так лучше, — сказал он. — В прошлый раз юбка была длинновата спереди. Я подшил.

— Ты подшивал после того, как я ушла?

— Ага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.